

УДК 94(470)“1917”

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

СОСТОЯНИЕ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ И В ТЫЛОВЫХ ЧАСТЯХ БЕЛАРУСИ ВЕСНОЙ – ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА

В статье указывается на недостаточность освещения в отечественной историографии состояния дисциплины в российских Вооруженных Силах, в том числе военнослужащих Западного фронта и тыловых частей, дислоцированных в Беларуси, в период от свержения самодержавия до Октябрьского переворота. Отражена подготовительная работа военных и гражданских властей к весеннему наступлению действующей армии. Показано состояние дисциплины солдат Западного фронта и тыловых частей в период революционных преобразований в Беларуси. Указаны основные причины, цели, факторы и результаты преобразования армейской жизни после Февральской революции. Отмечена личная роль в этом министров Временного правительства А. Гучкова и А. Керенского. Описываются события, связанные с демократизацией армейской жизни, ролью в этом воинских организаций – солдатских Советов и комитетов. Отдельное место в перечислении мер по укреплению дисциплины на Западном фронте и в тылу отведено борьбе с дезертирами и уклонявшимися от призыва на воинскую службу. В числе реальных причин провала летнего наступления русских войск на Юго-Западном, Западном и иных фронтах отмечена низкая дисциплина рядового воинского состава. В рамках статьи отражена также криминальная активность солдат тыловых частей в местечках Беларуси, помещичьих имениях, на железнодорожных станциях, характеризующая упадок воинской дисциплины. Отмечается негативное воздействие демократизации армейской жизни на уровень боеспособности войск, что нашло свое выражение в нарушении субординации между командирами и подчиненными, уклонении солдат от повседневной воинской службы. Показаны негативные последствия внутренней политики Временного правительства (введение института военных комиссаров, продолжение военных действий, введение репрессий в войсках) на состояние воинской дисциплины на фронте и в тылу. Особое внимание уделено той части военнослужащих (генерал Л. Корнилов и др.) которые, несмотря на трудности, сохраняли верность присяге и честно исполняли свой долг. Обращено внимание на разрушительные для дисциплины и боеспособности армии в целом последствия большевистской пропаганды и агитации. В заключении статьи приводятся обобщающие выводы по теме исследования.

Ключевые слова: мировая война, российская армия, воинская дисциплина, Западный фронт, Беларусь, Февральская революция, Временное правительство, Советы и солдатские комитеты, демократизация, права солдата, война и мир, большевизм.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Состояние воинской дисциплины на Западном фронте и в тыловых частях Беларуси весной – осенью 1917 года // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 1 (281). С. 28–33.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-5.

N. Ye. Semenychk

Belarusian State Technological University

THE STATE OF MILITARY DISCIPLINE ON THE WESTERN FRONT AND IN THE REAR PARTS OF BELARUS IN THE SPRING AND AUTUMN OF 1917

The article points out the insufficient coverage in domestic historiography of the state of discipline in the Russian armed forces, including military personnel of the Western Front and rear units stationed in Belarus, in the period from the overthrow of the autocracy to the October Revolution. The preparatory work of military and civil authorities for the spring offensive of the active army is reflected. The state of discipline of soldiers of the Western Front and rear units during the period of revolutionary transformations in Belarus is shown. The main reasons, goals, factors and results of the transformation of army life after the February Revolution are indicated. The personal role in this of the ministers of the Provisional Government A. Guchkov and A. Kerensky is noted. The events related to the democratization of army life and the role of military organizations – soldiers' Soviets and committees – are described. A special place in the list of measures to strengthen discipline on the Western Front and in the rear is given to the fight against deserters and those evading conscription for military service. Among the real reasons for the failure of the summer offensive of Russian troops on the Southwestern, Western and other fronts, the

low discipline of ordinary military personnel was noted. The article also reflects the criminal activity of soldiers of the rear units in the towns of Belarus, landowners' estates, and at railway stations, which characterizes the decline of military discipline.

The negative impact of the democratization of army life on the level of combat effectiveness of troops is noted, which is reflected in the violation of subordination between commanders and subordinates, and the evasion of soldiers from daily military service. The negative consequences of the internal policy of the Provisional Government (the introduction of the institution of military commissars, the continuation of hostilities, the introduction of repression in the troops) on the state of military discipline at the front and in the rear are shown. Particular attention is paid to that part of the military personnel (General L. Kornilov and others) who, despite the difficulties, remained faithful to the oath and honestly performed their duty. Attention is drawn to the destructive consequences of Bolshevik propaganda and agitation for the discipline and combat effectiveness of the army as a whole. The article concludes with generalizing conclusions on the research topic.

Keywords: world war, Russian army, military discipline, Western Front, Belarus, February Revolution, Provisional Government, councils and soldiers' committees, democratization, soldier's rights, war and peace, Bolshevism.

For citation: Semenychk N. Ye. The state of military discipline on the Western Front and in the rear parts of Belarus in the spring and autumn of 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 1 (281), pp. 28–33 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-5.

Введение. В отечественной исторической литературе данный вопрос затрагивался лишь фрагментарно, в контексте освещения «империалистической», «антинародной» и т. п. политики царского правительства. Указывая на ослабление дисциплины среди рядового состава российских войск (неповиновение начальству, дезертирство, сдача в плен), партийные историки не акцентировали внимания на причинах этого процесса, зато видели в них признаки назревания революции. Заметим, что по этому поводу ни император Николай II, он же Верховный главнокомандующий (главковерх), ни генералитет с офицерским корпусом не проявляли особого беспокойства. В начале 1917 г. на всех российских фронтах, в том числе на Западном, шла успешная подготовка к весеннему наступлению. В этой связи в усиленном режиме работали не только снабженческие, но и контрразведывательные, и правоохранительные службы. Нарушители дисциплины карались тюремным заключением вплоть до смертной казни. Деятельность Всероссийских земского и городского союзов, Земгора, Военно-промышленного комитета, церкви, благотворительных организаций, местной общестственности, сельских обществ и т. д. направлялась военными и гражданскими властями и сопровождалась верноподданическими акциями в духе борьбы за «веру, царя и Отечество».

Основная часть. Сохранение боеспособной армии явилось важнейшей заботой политических сил, выдвинутых Февральской революцией 1917 г. Принятие Вооруженными Силами России присяги на верность Временному правительству явилось важнейшим фактором победы над самодержавием и гарантом осуществления в стране демократических перемен. Не оставалось

в стороне от революционных событий и полутора-миллионное воинство Западного фронта, сдерживавшее натиск германцев в Беларуси. Во многом благодаря ему смена гражданской власти прошла здесь незамедлительно и бескровно. Командование Западным фронтом, Двинским и Минским округами, начальники гарнизонов, отдельные командиры обеспечили участие своих подчиненных в создании комитетов общественной безопасности, отрядов милиции, органов нового правительства и в осуществлении других мероприятий. В частности, смертная казнь и торговля отменялись. Содержавшимся в тюрьмах осужденным солдатам было предложено испустить вину, отправившись на фронт.

Военный министр А. Гучков принял действенные меры по реорганизации войск, доселе построенных на жесткой для «нижних чинов» дисциплине. Предполагалось, что прежние отношения между офицерами и солдатами должны быть преодолены в целях создания принципиально нового сообщества военнослужащих, наделенных вне строя равными правами. С этой же целью стали создаваться совместные организации солдат и офицеров в виде разного рода Советов и комитетов. В представлениях правительства, общественности и сознательных военнослужащих демократизированная армия с «железной дисциплиной» должна была привести Россию к долгожданной победе. Пока «революционная демократия» поддерживала идею о необходимости продолжения войны до заключения демократического мира, воинская дисциплина оставалась достаточно прочной.

К этому времени в воинских частях возникали ротные, батальонные, полковые комитеты. Их связующим центром на Западном фронте

стал Исполнительный комитет (Искомзап). Финансировавшийся государством, он поддерживал Временное правительство, проповедовал идею оборонческой войны, ратовал за демократизацию вооруженных сил и одновременно за укрепление в них дисциплины.

А. Керенский, сменивший А. Гучкова на посту военного министра, также был сторонником демократизации. Но подписанная им 11 мая для этой цели «Декларация прав солдата», помимо прочего, вызвала недовольство командования, поскольку во многом ограничивала его служебные полномочия.

Предстоящее наступление потребовало от Временного правительства и его местных структур эффективной работы по укреплению армии. По словам главнокомандующего Западным фронтом В. Гурко, «если же мы, действительно, готовимся к нанесению грозного удара врагу, то это возможно лишь при условии восстановления конечно не палочной, а здоровой и твердой воинской дисциплины, основанной на чувстве долга» [1].

Важнейшим направлением укрепления армии и очищения тыла от вредных элементов стала борьба с дезертирством. Созданные в Беларуси Советы депутатов всячески боролись с теми, кто уклонялся от службы. Со своей стороны Временное правительство постановило лишить дезертиров права участвовать в выборах в Учредительное собрание, а их семьи – права на получение пайка [2].

Особая роль отводилась крестьянам, которые на своих сходах, созываемых депутатами Советов, принимали соответствующие меры. Результатом совместных усилий военных и гражданских властей при активной помощи обществу ряды защитников отечества заметно упрочились. Так, по сведениям мобилизационного отдела Генерального штаба, к 15 мая на Западный фронт вернулись 9536, а в Минский округ – 23 058 дезертиров [3]. Это обстоятельство, помимо прочих, стимулировало подготовку войск к решительным действиям на фронтах. Характерно, что необходимость наступления стала предметом обсуждения не только компетентных служб, но и всей российской общественности, включая Советы и солдатские комитеты. Проблема его затягивания, разлагавшего армейскую дисциплину, реально существовала и в прифронтовой Беларуси.

В начале июня в Минске группа большевиков приняла резолюцию, в которой от имени всего Фронтового комитета ставилась под сомнение целесообразность наступления. В результате участились случаи неподчинения солдат своим командирам [4, л. 21].

18 июня главный удар по австро-венгерским войскам был нанесен на Юго-Западном фронте,

но две русские армии из трех перестали подчиняться приказам и оставили позиции из-за «преступной пропаганды большевиков» [5]. Начавшаяся 6 июля артиллерийская подготовка на Западном фронте обеспечила пехоте победоносную атаку 10-й армии на виленском направлении. 9 июля бойцы заняли оставленные немцами позиции, сняли замки с орудий, опустошили вражеские склады с обмундированием и, вместо того, чтобы усилить натиск, вернулись в окопы. А командиры не смогли их заставить возобновить боевые действия [6, с. 165].

Между тем наступление российских войск, помимо прочего, вызвало всплеск добровольческого движения. Так, на Западный фронт из Петрограда прибыл первый женский батальон [7]. В то же время в тылу продолжались бесчинства с участием военных лиц. Так, 29 июня дриссенский комиссар телеграфировал в Витебск о группе солдат, которая творила в западной части уезда вооруженные грабежи и незаконные аресты [8, л. 267]. На границе Минской и Виленской губерний перепившиеся «защитники отечества» разгромили усадьбу помещика Хелховского, уничтожив редкую библиотеку. Тогда же в Бобруйске была предотвращена попытка 300–400 солдат разгромить винный склад [9].

Анархические процессы в армии и тылу, связанные с провалом летнего наступления, еще более усилились после того, как 3–5 июля в столице произошла попытка вооруженного захвата власти солдатами и матросами петроградского гарнизона. Временное правительство возглавил А. Керенский, сохранивший за собой должность военного и морского министра. 8 июля в целях борьбы с возросшей анархией в войсках было объявлено о расформировании отдельных воинских частей, запрете митингов и собраний в действующей армии, создании военно-революционных судов, а также о введении смертной казни за некоторые виды военных преступлений [10]. Было вновь обращено внимание солдатских комитетов на «способствование выполнению боевых приказов», «установление благожелательных отношений между начальниками и подчиненными», «укрепление авторитета начальников» [11, л. 99], но положение к лучшему не менялось.

Принятые меры против нарушителей воинской дисциплины не приносили желаемых результатов. Мало того, солдатская «вольница» и бесконтрольность их поведения вне службы соседствовали с уголовщиной. Так, по сообщению «Нового Варшавского утра» от 27 июля, в 10 верстах от Минска, около Игуменского тракта, шестью солдатами было совершено убийство пяти гражданских лиц. В это же время на станции Калинковичи Полесской железной дороги солдаты громили привокзальные лавки.

Подобные явления в тылу происходили в условиях начавшегося разложения армии, вызванного последствиями летнего поражения на фронтах, а также анархо-большевистской пропаганды. Кроме того, безудержное использование комитетами «Декларации прав солдата» способствовало уничтожению в армии существовавших доселе остатков служебной субординации. В результате расчет правительства на укрепление дисциплины, сплоченности солдат и офицеров и, как главную цель, боеспособность «революционной армии» для продолжения «оборонительной» войны не оправдывался. Демократизация армейской жизни привела к ослаблению власти командиров, партийному и служебному (между солдатами и офицерами) противостоянию, охватила фронт и тыл, усилила антиправительственные настроения. Существенную роль в разложении армии стала играть газета минских ленинцев «Звезда», которая привлекала внимание сторонников немедленного мира, противников «соглашательских» и «буржуазных» партий. Ее выход совпал с попыткой командования восстановить нормальный для боевых условий армейский режим с несением караульной службы, занятиями, учениями и т. д. Так, 31 июля в районе дислокации II Армии командир 299 Дубненского полка генерал А. Пургасов попытался заставить солдат приступить к занятиям. В ответ они убили его и еще трех офицеров [66, л. 119]. В 530-м пехотном полку попытка возобновления военных занятий грозила самосудом над командирами [12, л. 211, 267].

Как отмечал главкозап генерал П. Балуев, «в городе Минске во всякое время слишком много празднующихся по улицам и площадям. Это показывает на отсутствие в частях порядка и ведения занятий. Пора всем прийти к убеждению, что народ тратит свои трудовые деньги на армию не для того, чтобы солдаты заполняли все тротуары, площади, скверы и засоряли их семечками, а несли возложенные на них обязанности» [13].

Можно полагать, что и в других гарнизонах положение с дисциплиной было не лучшим. Не являлся исключением и гарнизон столицы, где в наибольшей степени проявили себя разгул анархизма, большевизма и антиправительственная активность. Пользуясь завоеванным в ходе февральского восстания 1917 года правом невывода воинских частей из города, они отказывались идти на фронт, чем оказывали разлагающее воздействие на все вооруженные силы страны.

Чтобы предотвратить снижение боеспособности русской армии, Временному правительству надлежало принять ряд необходимых мер, особенно в сфере управления войсками. Как известно, эта сфера фактически стала вотчиной

солдатских комитетов, возглавляемых эсерами и меньшевиками и подчинявшихся высшим органам «революционной демократии» в лице Всероссийских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кроме того, значительная часть военнослужащих подчинялась непосредственно своим партийным (большевистским, анархистским, левозсеровским) комитетам и не считала обязательным для себя выполнение директив лидеров «революционной демократии». Как оказалось, военные комиссары не стали связующим звеном между командованием и солдатскими комитетами и в ответ на призывы об усилении борьбы с врагом сами становились объектами нападок со стороны солдат. В условиях, когда цели войны для России по-прежнему оставались недостижимыми, новые призывы Временного правительства к армии об очередном наступлении только накаляли обстановку в стране. Политически ориентированные фронтовики отвергли идею революционного оборончества, но при всех бытовых и боевых трудностях осознавали свое прямое предназначение. Именно на этих военнослужащих и полагалась та часть российского общества, которая опасалась гибели государства со стороны ее внутренних врагов в лице большевиков, анархистов, спекулянтов, дезертиров, погромщиков и др. Задача демократизации армии на время уступила место задаче консолидации всех «живых сил» и установлению «твердой власти».

С приходом генерала Л. Корнилова на должность главковерха в еще боеспособной армейской среде стали оживать настроения, связанные с подготовкой нового наступления. Как и весной, в прифронтовых районах Беларуси развернулась работа по пополнению войсковых частей. Здесь же возобновилось формирование ударных батальонов, полков смерти, женских воинских частей.

Личность генерала Л. Корнилова вызывала противоречивые настроения как на фронте, так и в тылу. Те, кто желал стране победы в войне, установления порядка и законности, устранения анархо-большевизма, преодоления разрухи, скорейшего созыва Учредительного собрания и т. д., видели в нем реального лидера, способного объединить все «живые силы» России. Иные, в том числе большевики и другие левацкие группировки, предрекали установление военной диктатуры и пугали военнослужащих возвращением «палочной» дисциплины.

Центром политической напряженности продолжал оставаться Петроград, а ее причиной – неподвластный ни военному командованию, ни «революционной демократии» столичный гарнизон, возглавляемый большевиками и анархистами, помимо прочего, представлявший угрозу

существованию самого Временного правительства. В этой связи у А. Керенского и Л. Корнилова возникла договоренность о силовом удалении 25–26 августа из Петрограда разложившихся частей и их замене надежными, в своем большинстве казачьими войсками. Но 27 августа, в процессе проведения операции, в адрес всех фронтов была послана телеграмма А. Керенского с просьбой о защите Временного правительства от Л. Корнилова, который, якобы, потребовал немедленной передачи диктаторской власти в стране.

Для ликвидации попытки военного переворота потребовалась, прежде всего, мобилизация Вооруженных Сил и установление строгого порядка. В Минске решение этих задач взял на себя Искомзап. 28 августа его руководители создали Временный революционный комитет на случай активизации прокорниловских или криминальных элементов. Основные его усилия были направлены на Западный фронт, чтобы не допустить отправки солдат для борьбы с Временным правительством.

1 сентября оклеветанный и отстраненный от должности главковерха генерал А. Корнилов был вынужден сдать власть. Тем не менее его поражение не вернуло доверия рядовых военнослужащих к правительству и командованию. Все последующие обращения Временного правительства и военного командования к солдатам с призывом выполнить свой долг по защите отечества не находили положительных откликов. В армии лозунг оборонительной войны был окончательно дискредитирован. Но и масса солдат, не выполнявшая своих прямых функций, уже не могла быть гарантом демократических преобразований. Осознание солдатами опасности потери завоеванных ими свобод отбивала у них желание повиноваться командирам. Не случайно А. Керенский, назначивший главковерхом себя, 1 сентября приказал «прекратить политическую борьбу в войсках и обратить все усилия на боевую мощь, от которой единственно зависит спасение страны; немедленно прекратить заарестование начальников; совершенно прекратить смещение и отстранение от командных должностей начальствующих лиц» [14].

В дальнейшем авторитет Временного правительства еще более снизился, а командиры и офицеры огулом стали причисляться к контрреволюции. Как отмечалось в служебной телеграмме, в частях Гренадерского корпуса 2-й армии, «многие солдаты ищут случая, чтобы при первой встрече доказать офицерам их безвластие и свою безнаказанность» [15, л. 1].

Очевидно, что авторитет большевиков значительно возрос, что дало им основание действовать более открыто и активно. Так, их минские соратники обратились к властям с просьбой об осво-

бождении «политических заключенных», то есть солдат, арестованных за невыполнение приказов во время летнего наступления. По настоянию военной секции Гомельского Совета и вопреки его рабочим депутатам из городской тюрьмы была освобождена рота солдат, арестованных за убийство генерала А. Пургасова. А 20 сентября в здание Совета прибыло около 8000 солдат, которые под угрозой расправы добились принятия резолюции о немедленном заключении мира [16]. Разговоры о скором окончании войны усилились настолько, что в войсках заговорили о грядущей демобилизации.

В октябре из-за неудовлетворительного снабжения армии продовольствием нарушения правопорядка в Белоруссии (захват имущества, грабежи, насилия) приняли массовый характер. Как докладывал минскому губернскому комиссару начальник штаба Западного фронта, «большая часть этих преступлений совершается солдатами в районах дислокации войск». Так, 20 октября в Еремичах Новогрудского уезда солдатами были разгромлены магазины и лавки. 25 октября в Речице при огромном стечении народа солдаты стали громить магазины и лавки. 26 октября в местечке Глубокое было разгромлено несколько еврейских лавок. При восстановлении порядка погиб один и ранены 2 солдата [17, л. 40]. Высокая опасность погромов наблюдалась в Минске, Бобруйске, Гомеле, Мозыре и других городах. Источником тревоги для всех слоев населения Беларуси являлись местные гарнизоны.

Заключение. Таким образом, весной – осенью 1917 года состояние воинской дисциплины у основной массы солдат Западного фронта и тыла характеризовалось прогрессирующим ослаблением и выходом из-под контроля офицерского состава. Причины такого явления заключались в следующем: реализация «Декларации прав солдата» использовалась комитетами в ущерб правам офицеров; фактическая ликвидация института единоначалия; нарушение баланса властных полномочий в армии в пользу солдатских комитетов; партийная поляризация в вооруженных силах; чрезмерная демократизация армейской жизни, граничившая с отказом солдат от выполнения служебных обязанностей в условиях войны; крах оборончества, усиливший ожидание заключения мира любой ценой; мягкость наказаний и т. д.

Что касается действующей армии, то, несмотря на возрастание анархических процессов, окопники все еще удерживали свои позиции, благо на фронтах, в том числе и в Беларуси, наступательных действий со стороны противника не наблюдалось. Должная дисциплина и подчинение командирам пока еще сохранялись

в кавалерии, артиллерии, летных и автомобильных частях. Уважительное отношение к воинским уставам демонстрировали формирования поляков, украинцев и латышей, созданные в целях защиты интересов их государств, долженствовавших возникнуть после окончания войны. Основная же масса Вооруженных Сил состояла из пехоты, набранной главным образом из крестьян и больше остальных подверженной попу-

листской агитации и пропаганде. Но даже отказавшись от дальнейших наступательных действий, преимущественная часть военнослужащих не бросала оружия и окончательное решение вопроса о войне и мира связывала с Учредительным собранием. Для окопников Западного фронта и солдат тыловых частей это обстоятельство являлось едва ли не последним фактором, удерживавшим их от полного неповиновения своим командирам.

Список литературы

1. Новое Варшавское утро. 1917. 13 июня.
2. Новое Варшавское утро. 1917. 25 мая.
3. Новое Варшавское утро. 1917. 18 июня.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 4. Д. 148.
5. Витебский листок. 1917. 10 июля.
6. Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку: Азернешп, 1984. 188 с.
7. Новое Варшавское утро. 1917. 29 июня.
8. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 242.
9. Новое Варшавское утро. 1917. 1 июля.
10. Речь. 1917. 18 июля.
11. НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 6.
12. НАРБ. Ф. 60 п. Оп. 3. Д. 211.
13. Новое Варшавское утро. 1917. 11 авг.
14. Минская газета. 1917. 3 сент.
15. НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23.
16. Молот. 1917. 28 сент.
17. НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 22а.

References

1. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, June, 13.
2. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, May, 25.
3. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, June, 18.
4. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus* [Natsional Archives of Republic of Belarus (NARB)]. Fund 60. I. 4. F. 148.
5. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaflet], 1917, July, 10.
6. Shikhlin'skiy A. A. *Moi vospominaniya* [My memories]. Baku, Azerneshp Publ., 1984. 188 p.
7. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, June, 29.
8. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242.
9. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, July, 1.
10. *Rech'* [Speech], 1917, July, 18.
11. NARB. Fund 35. I. 1. F. 6.
12. NARB. Fund 60 p. I. 3. F. 242.
13. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, August, 11.
14. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, September, 3.
15. NARB. Fund 35. I. 1. F. 23.
16. *Molot* [Hammer], 1917, September, 22.
17. NARB. Fund 35. I. 1. F. 22a.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 15.03.2024